

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 11

пусть придаст он тебе цену». Потом приблизился воздух в легком золотом одеянии, он положил руку на голову дитяти и сказал: «Пусть будет светлой и нежной твоя окраска, как золотистая утренняя кромка на холмах, как золотистые волосы рейнских красавиц». И вода в серебряном уборе склонилась над дитятей и прожурчала: «Я всегда буду близко от твоих корней, пусть твое потомство вечно зеленеет и цветет, пусть раскинется оно по всему берегу полноводного Рейна». А земля подошла и поцеловала дитя в уста и пахнула на него сладостным дыханием. «Ароматы всех моих трав, нежные запахи моих цветов собрала я тебе на память, – сказала она. – Самые благовонные масла, амбра и миро уступят твоему нежному букету, а прелестнейших твоих дочерей нарекут в честь царицы цветов именем Роза».

Так сказали стихии; мы порадовались на драгоценные дары, украсили дитя свежими виноградными листьями и послали в королевский замок. А король изумлялся, глядя на прекрасного младенца, пестовал и лелеял его, а лозу, выросшую на берегу Рейна, ценил наряду с самыми дорогими своими сокровищами.

– Андрей, любезный братец, – воскликнула девица Роза, – у тебя такой сладостный, такой нежный голос, не споешь ли ты песню во славу рейнской земли и ее вин?

– Я спою, ежели это послужит вам на радость, благородная дева, и не будет в тягость вам, благородный Бахус, и для вас, государь мой, рыцарь Роланд, также будет иметь свою приятность.

И он пропел очаровательную песню, мелодичную и чувствительную, гармонично и изящно сложенную, что явно указывало на старого мастера 1400–1500–х годов.

Слова вылетели у меня из головы, но мелодию, простую и прелестную, мне все же хотелось бы вспомнить. Петр вторил певцу звучным прекрасным голосом. Казалось, всех охватило желание петь: когда кончил Андрей, не дожидаясь просьб, запел Иуда, а за ним последовали и остальные. Даже Розе, хотя она и очень жеманилась, все же пришлось спеть песню 1615 года, которую она исполнила приятным, чуть дрожащим голосом. Роланд пропел громовым басом военный гимн франков, из которого я понял всего несколько слов, и, наконец, когда все кончили, они поглядели на меня. Роза кивнула, предлагая мне тоже выступить. И тогда я пропел:

На Рейне, на Рейне лозой виноградной
Немецкое зреет вино.
Спускаясь по берегу тенью прохладной,
Отраду сулит нам оно.

Слушая слова песни, они сидели, затаив дыхание, и переглядывались, они придвинулись ближе, а те, что сидели поодаль, вытягивали шеи, будто боясь упустить хоть слово. Я приободрился, голос окреп, песня лилась все громче и громче, – выступление перед такой публикой вдохновило меня. Старая Роза кивала в такт головой, подпевая мне, а глаза апостолов светились радостной гордостью. Когда я замолк, они обступили меня, они жали мне руки, а Андрей коснулся моих губ нежным поцелуем.

– Доктор, вот это песня! Как радует она душу! – воскликнул Бахус. – Доктор, сердечный друг, скажи, ты сам ее сложил, она зародилась в твоём удостоенном докторской степени мозгу?

– Нет, ваше превосходительство, я не такой мастер по части песен. Того, кто ее сложил, уже давно похоронили. Его звали Маттиас Клаудиус.

– Доброго–доброго человека ценили – доброго–доброго похоронили, – вздохнул Павел. – Какая светлая, какая веселящая песня, светлая и чистая, как натуральное вино, смелая и веселящая, как духи, живущие в вине, приправленная пряной шуткой, веселым юмором, как тот пряный аромат, что исходит из бокала чистого вина.

– Государь мой, он давно умер, это я знаю, но другой великий смертный сказал: «Доброе вино – хороший товарищ... и кому не случится иной раз опьянеть». И я полагаю, что друг Маттиас тоже так думал, пируя с друзьями, иначе он вряд ли сложил бы такую чудесную песню, которую и по сей день распевают все веселые люди, бродя среди рейнских холмов или потягивая благородное рейнское вино.

– Так эту песню и вправду поют? – воскликнул Бахус. – Знаете, доктор, меня это радует, пожалуй, не так уж оскудел род людской, раз еще не забыты такие светлые, прекрасные песни, раз люди еще поют их.

– Ах, государь мой, – печально молвил я, – очень много у нас людей с узкими взглядами, таковы ханжи от поэзии, они не желают признавать подобные песни за стихотворения, как иные святоши не считают «Отче наш» за молитву, для них такая молитва недостаточно мистична.

– Дураки были во все времена, сударь мой, – возразил мне Петр, – а кроме того, пусть лучше всякий за собой примечает. Но раз мы заговорили о вашем поколении, то не соблаговолите ли вы рассказать нам, что делалось на земле за последний год.

– Если это интересно присутствующим здесь господам и дамам... – робко начал я.

– Смелей, смелей, – воскликнул Роланд, – что до меня, то рассказывайте хоть о событиях за последние пятьсот лет, я на своей соборной площади вижу только папиросников, пивоваров, пасторов и старух.

Остальные поддержали его.

– Во–первых, что касается немецкой литературы... – начал я свое повествование.

– Стой! Manum de fabula! – прервал меня Петр. – Какое нам дело до вашей жалкой мазни, до ваших мелочных, мерзких, уличных перебранок и трактирных потасовок, до ваших стихоплетов, лжепророков и...

Я испугался: если этим господам не интересна даже наша чудесная, великолепная литература, о чем мне тогда рассказывать? Я подумал и снова начал:

– Очевидно, за последний год Жоко, если говорить о театре...

– О театре? О театре не надо! – прервал меня Андрей. – К чему нам слушать о ваших кукольных комедиях, марионетках и прочей ерунде. Уж не думаете ли вы, что нас хоть сколько–нибудь трогает, освистан или нет какой–то там ваш сочинитель комедий? Неужели на земле не происходит теперь ничего интересного, ничего имеющего всемирно–историческое значение, ничего, о чем стоило бы рассказать?

– Ах, избави бог, – возразил я. – Всемирной истории у нас больше нет, по этой части теперь остался только франкфуртский союзный сейм. У наших соседей, пожалуй, что–то еще иногда случается. Вот, например, во Франции иезуиты опять вошли в силу и завладели скипетром, а в России, говорят, была революция.

– Вы путаете названия стран, мой друг, – сказал Иуда. – Верно, вы хотели сказать, что в России опять появились иезуиты, а во Франции произошла революция.

– Никак нет, господин Иуда Искаримотский, – ответил я, – все, как я сказал, так и есть.

– Вот тебе на! – задумчиво пробормотали они. – Очень странно, всё вверх дном.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– И нигде не воюют? – спросил Петр.

– Немножко воюют греки с турками, но скоро кончат.

– Вот это прекрасно! – воскликнул паладин и ударил каменным кулаком по столу. – Меня уже давным-давно приводит в ярость, что христианский мир так подло позволяет мусульманам держать в оковах этот великий народ. Поистине это прекрасно. Вы живете в хорошее время, ваше поколение благороднее, чем я думал. Значит, рыцарство Германии, Франции, Италии, Испании и Англии выступило, чтобы сразиться с неверными, как сражалось с ними в прежнее время под знаменами Ричарда Львиное Сердце? Генуэзский

[Назад](#) << [1](#) ... [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) 11 [12](#) [13](#) [14](#) >> [Дальше](#)